

ТУРБАСЛИНСКО-ИМЕНЬКОВСКАЯ ОБЩНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

©2022 г. Е.П. Казаков

В средневековой истории Евразии до сего времени слабо освещенными остаются древности такой обширной языковой общности как сарматская. Ранее занимавшие широкую территорию, в результате глобальных военно-политических действий кочевников степей, прежде всего тюркоязычных, сарматы были оттеснены к границам своего обитания. Так в середине VI в. большие массы сармат отошли к Урало-Поволжью, местам их летних кочеваний, где и осели. Здесь они оставили многочисленные комплексы разных культур, которые получали разную этнокультурную интерпретацию. Ситуация в изучении сармат в регионе изменилась, когда в 80-е гг. XX в. были изучены памятники Коминтерновского комплекса (городище, 3 селища, 2 могильника) в Спасском районе Татарстана, в которых сочетались основные элементы турбаслинской и именьковской общностей. Явно имеющее сарматское происхождение, население Коминтерновского комплекса активно занималось торговлей. В статье освещается лишь верхневолжский торговый путь, активно используемый торговцами неволинской культуры, которые дошли до Скандинавии. Вполне вероятно, что известная по скандинавским сагам легендарная страна Биармия и их жители – «биармы» – связаны с дальними походами средневековых сармат рассматриваемого региона.

Ключевые слова: археология, культуры: именьковская, турбаслинская, бахмутинская, неволинская; народы: сарматы, скандинавы, биармы.

THE TURBASLY–IMENKOVO COMMUNITY: ISSUES OF STUDYING

E.P. Kazakov

In the medieval history of Eurasia, the antiquities of such a vast linguistic community as Sarmatian are still poorly illuminated. The Sarmatians, who previously occupied a wide territory, were pushed back to the borders of their settling as a result of the global military and political actions of the nomads of the steppes, primarily Turkic-speaking. So in the middle of the 6th century the large Sarmatian masses moved to the Ural-Volga region, to the places of their summer camps, where they settled down. Here they left numerous complexes of different cultures, that received different ethnic and cultural interpretations. The situation in study of the Sarmatians in the region changed when in the 80s of the XX century the sites of the Komintern complex (the hillfort, 3 unfortified settlements, 2 burial grounds) in the Spassky district of Tatarstan, that combine the main elements of the Turbasly and Imenkovo communities, were studied. Their population, clearly of the Sarmatian origin, was actively engaged in trade. The paper highlights only the Upper Volga river trade route, actively used by the traders of the Nevolino culture, who reached Scandinavia. It is likely that the legendary country of Bjarmaland, known from the Scandinavian sagas, and their inhabitants – "bjarmians" – are associated with the long-distance campaigns of the medieval Sarmatians of the studied region.

Keywords: archaeology, the cultures: Imenkovo, Turbasly, Bakhmutino, Nevolino; the peoples: Sarmatians, Scandinavians, Bjarmians.

В исторических исследованиях слабо освещенными остаются проблемы взаимоотношения и взаимодействия таких крупных языковых общностей Евразии, как угорская и сарматская в эпоху средневековья. Явный прорыв в этом направлении произошёл во 2-й пол. XX в. Благодаря активной деятельности археологов исследовательских центров Поволжья и Урала были выявлены и распаны, иногда очень широко, сотни селищ и могильников, иногда с совершенно новым

материалом, интерпретация которого вызвала бурные дискуссии

Так многолетние споры велись по материалу памятников, отнесённых позднее к именьковской культуре. Их сопоставляли с городищной культурой, относили к волжским булгарам, славянам, даже к балтам и мадьярам

Такая ситуация объяснялась тем, что первоначально были известны только могильники с трупосожжением, в погребениях которых в основном встречались только лепные

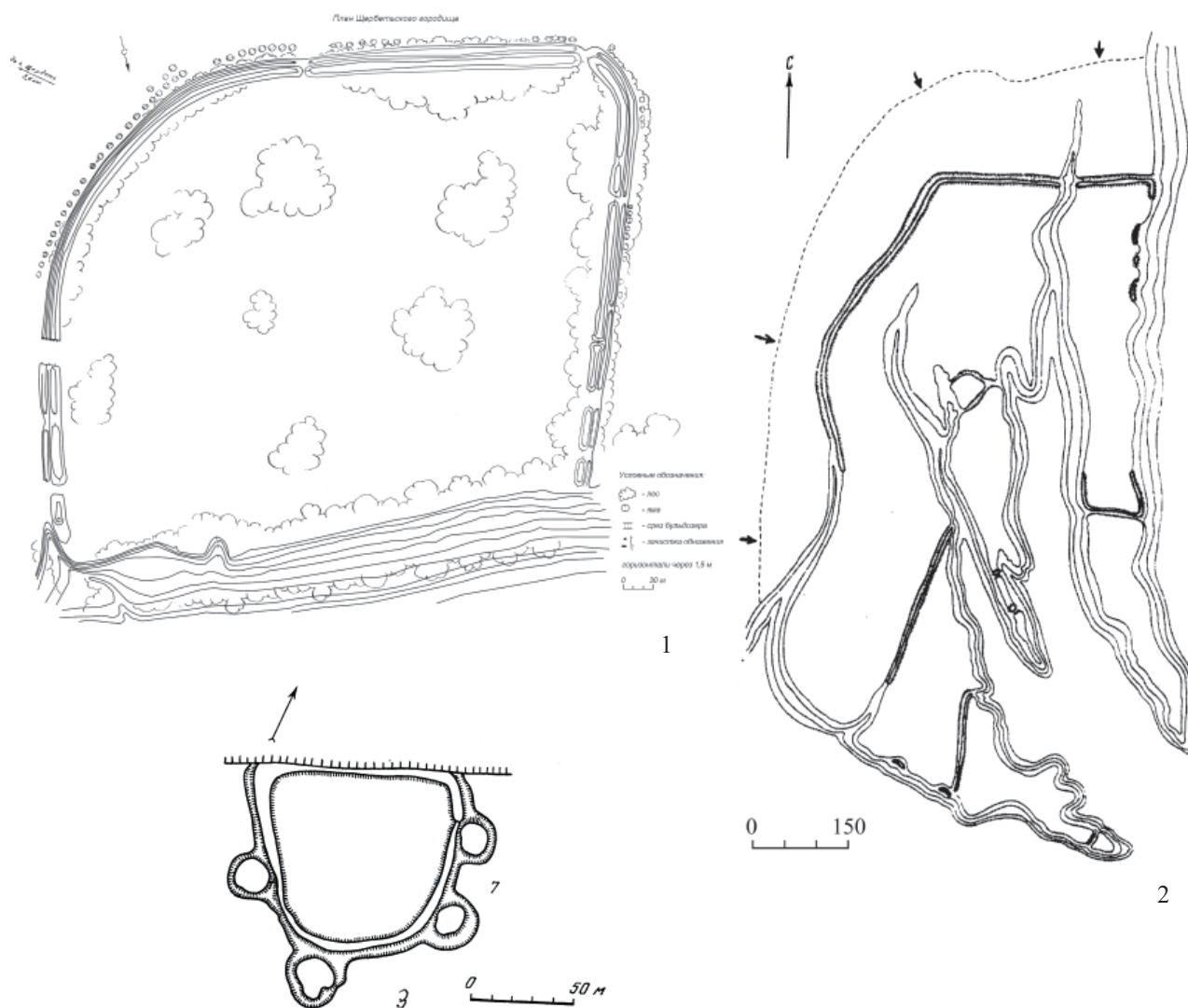

Рис. 1. План городищ именьковской культуры: 1 – Щербетское, 2 – Большетарханское, 3 – Девичий городок
Fig. 1. The plan of the Imenkovo culture hillforts: 1 – Shcherbet, 2 – Bolshiy Tarhany, 3 – Devichy Gorodok

плоскодонные горшки. В публикации 1959 г. В.Ф. Генинг предложил назвать эти памятники именьковскими (Генинг, 1959, с. 208–210). Позднее такими памятниками специально занимались П.Н. Старостин (Старостин, 1967) и Г.И. Матвеева (Матвеева, 2003).

Благодаря их активной работе памятники именьковской культуры уже на этом этапе были неплохо изучены, и появилась возможность их хронологического и этнокультурного выделения (Казаков, Лыганов, 2014; Лыганов и др. 2021).

Так, оказалось, что оставившее их общество состояло хотя и из родственных, но чётко отделяющихся друг от друга родовых коллективов. Каждое из них имело свою территорию, поселения, городище и могильник. Все они располагались «гнездами», рядом друг с другом, обычно в пределах видимости. В

то же время локализация комплексов жилых и производственных сооружений напоминала «хуторскую» систему. При исследовании именьковских локальных находок выявлено, что они располагались довольно далеко от основных селищ. Так, на памятниках у бывшей дер. Соколовка при впадении р. Камы в р. Волгу, на террасах со смытым чернозёмным слоем в слое суглинка выявлены изолированные комплексы из фундамента подпрямоугольного жилого дома и расположенных вокруг круглых в плане хозяйственных ям, свидетельствующих о занятии земледелием.

Основная масса городищ располагалась на мысах между оврагами, и были размером до 5 тыс. м² (Старостин, 1967, с. 10–11; Асылгаева и др. 2022; Шаймуратова, 2016). Однако среди них выделяется ряд памятников, види-

мо, выполняющих роль племенных центров. Они имели большие размеры и располагались в стратегически важных точках, контролируя большую территорию.

Одним из них является Щербетьское городище в 129,2 тыс. м² в Спасском районе Татарстана. Оно занимает ровную подпрямоугольную площадку у узкого природного подъёма и спуска в уступе от коренной террасы к пойме р. Камы. Высота крутого уступа 35 м (рис. 1: 1). Местами площадь памятника заросла кустарниками.

Оборонительная система городища состоит из рва и вала шириной от 12 до 120 м. Глубина рва 1–1,5 м, ширина 6–8 м. Высота вала 1,8–2,5 м, ширина 6–8 м.

Частично выявлена вытянутая вдоль рва стена из вертикально поставленных брёвен диаметром 8–10 см. Низ стены с внешней стороны был укреплен глиняной «подушкой». Возможно, подобная стена находилась и с внутренней стороны. Пространство между ними было засыпано грунтом. Ширина стены, видимо, составляла 3–4 м.

С напольной стороны городище было укреплено системой «волчьих» ям, которые располагались в 3–7 м от внешнего края рва. Ямы подпрямоугольные, овальные или круглые, размером 4–5 м и глубиной 1,5–2 м. Расстояние между ними составляло 3–6 м. На наиболее опасном направлении ямы уже располагались в два ряда. Всего четко выявлена 61 яма.

У узкого «пешеходного» спуска в долину р. Камы в северо-восточной части городища исследователи отмечают три округлые ямы диаметром 10–15 м, которые, возможно, являлись остатками деревянных башен (раскопки не производились). Ниже по склону на 1,5 м имелась площадка шириной в 2 м, предположительно, являлась палисадом (Калинин, Халиков, 1954, с. 91). Со стороны долины укреплений, кроме указанных, не было, так как крутизна и высота (35 м) спуска в долину были неприступны для неприятеля.

На обширную укрепленную площадь памятника вели 8 проходов. Из них лишь один, в восточной части, был предназначен для колёсного транспорта, остальные – более узкие.

Большая площадь этого памятника, мощная система укреплений, включающая башни и палисад у «пешеходного» спуска в юго-восточной части памятника, «волчьи ямы», предназначенные, в первую очередь, против конницы противника, позволяют полагать его важное значение. На надпойменной террасе

недалеко от памятника находилось несколько именьковских селищ, локализирующихся у природных спусков в долину р. Камы.

У протока Старой Камы, на дюнных останках в нескольких километрах к северо-западу от городища находились открытый П.Н. Старостиным важный торгово-ремесленный пункт (Щербетьско-Островное селище) именьковской культуры (Казakov, 2018, с. 200–210) и лишь недавно открытый уникальный могильник (Новосёловский II могильник) той же культуры (Валеев, 2018, с. 211–226).

Вышеотмеченные материалы позволяют предполагать, что Щербетьское городище было племенным центром всего населения именьковской культуры приустьевого Закамья во 2-й пол. VI в.

Другой такой памятник – Большетарханское городище – располагался на правом берегу р. Волги, в 4,5 км к юго-востоку от с. Большие Тарханы Тетюшского района Татарстана. Он занимает три сильно вытянутых в сторону реки, заросших лесом мыса коренной террасы с крутыми склонами (рис. 1: 2). По линии север-юг длина городища 1 200 м, по линии запад-восток около 600 м. С напольной стороны оно ограждено валом и рвом длиной 1,5 км. Высота вала 0,8–1,5 м, глубина рва 1 м, ширина его 3 м.

С напольной стороны отступая от вала и рва на 75–200 м проходит полоса «волчьих ям». Ширина ям 1–4 м, глубина 0,2–0,9 м. Со стороны реки сужающиеся части мысов укреплены дополнительно валами и рвами. Высота валов 0,9–2 м, ширина от 3 до 7 м. Глубина рвов 1–5 м, ширина 3–6 м. На среднем и восточном мысах имеются расположенные не в ряд овальные ямы диаметром от 3×5 до 10×10 м. На более или менее пологих мысах отмечены следы земляных бастионов. На памятнике выявлен достаточно мощный культурный слой (местами до 80 см) с находками именьковской культуры (АКТ, 1985, с. 93; СПАРТ, 2007, с. 355).

Описанные два памятника близки друг к другу не только по территории, размеру, мощному оборонительному комплексу, включающему валы, рвы, «волчьи ямы», башни (возможно, овальные ямы размером 10×10 м на Большетарханском городище также являются остатками башен). Специфика расположения на правом берегу р. Волги, а также особенности конструкции Большетарханского городища, возможно, свидетельствуют, что оно сооружалось в экстремальных условиях (см. ниже).

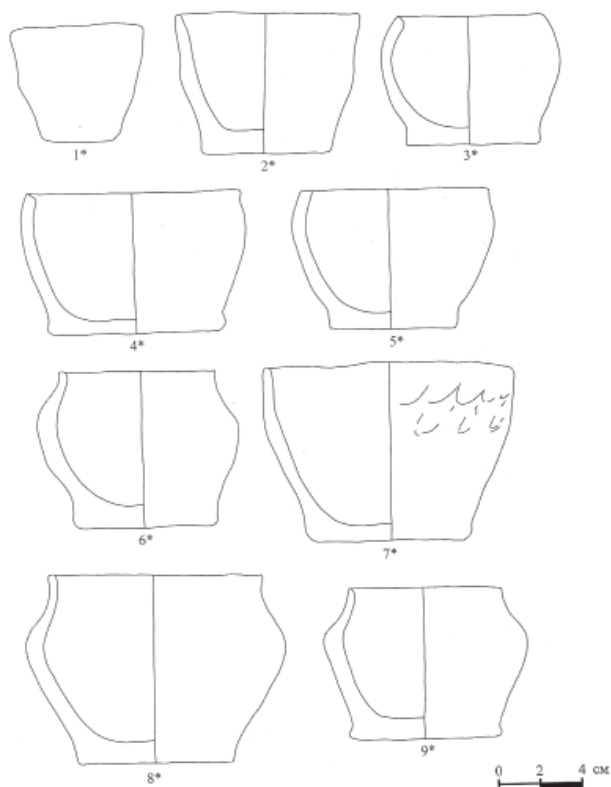

Рис. 2 Керамика именьковской культуры II Коминтерновского могильника.

Fig. 2. The Imenkovo culture ceramics of the II Komintern burial ground.

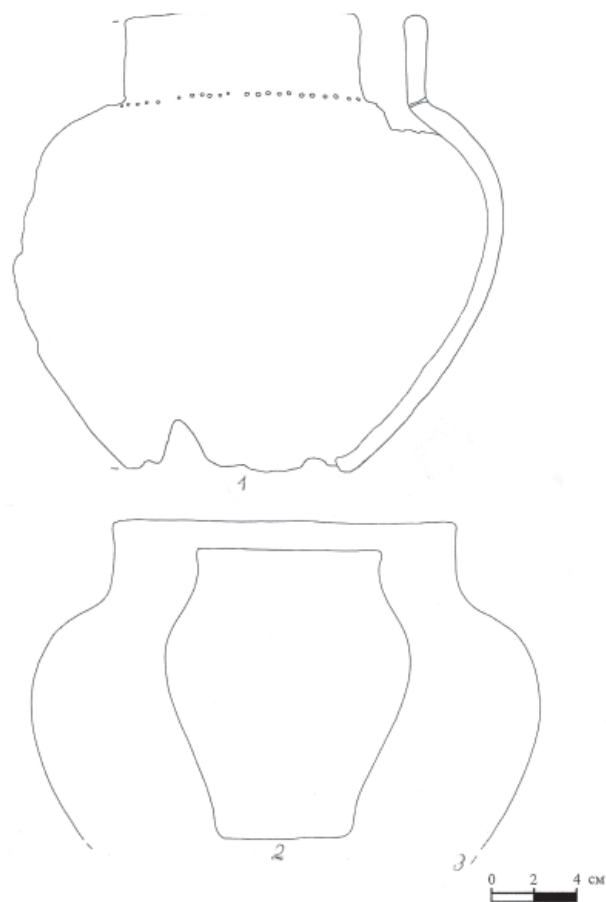

Рис. 3. Керамика турбаслинской культуры II Коминтерновского могильника.

Fig. 3. The Turbasly culture ceramics of the II Komintern burial ground.

О том, что башни входили в систему укреплений именьковских городищ свидетельствует материал городища Девичий городок, расположенного на выступающей в долину между р. Камой и р. Волгой коренной террасе с крутыми склонами (высота более 10 м). Памятник возник около единственного в этом месте пешеходного спуска в долину реки. Площадка памятника подчетырёхугольной формы размером 80–90×100 м ограничена сильно оплывшим валом и рвом. Вал имел высоту 1,5 м и ширину 10–12 м. Глубина рва 1,5 м. При ежегодном многолетнем мониторинге этого района Раннеболгарской археологической экспедицией прослежено, что Куйбышевским водохранилищем шло разрушение памятника. В обрыве чётко зафиксировано, что под каждой из четырёх башен, которые находились по краям городища (рис. 1: 3), была положена «подушка» из большого количества песчаниковых камней.

На городище производились шурфы и раскопки, которые утвердили его именьков-

скую принадлежность (АКТ, 1985, с. 65–66). Сам памятник в виде замка правителя возвышался над обширным (культурный слой мощностью до 1 м тянулся на 200 м) торгово-ремесленным поселением этой же культуры. В настоящее время городище и селище уничтожены водохранилищем. К юго-востоку от городища находится обширный именьковский могильник (IX Измерский), катастрофически разрушенный водой.

Как уже отмечалось в начале статьи, трудно было определить датировку и этнокультурную принадлежность именьковских памятников с трупосожжением, которые содержали мало датирующего материала. Поэтому новую страницу в этом направлении дало открытие и изучение II Коминтерновского могильника (Казаков, 2021). В нём в тесном единстве встретились захоронения с трупосожжением и трупоположением. Последние находили полные аналогии в древностях турбаслинской культуры Приуралья. Исключая отмеченные особенности погребального обряда остальной

материал достаточно единообразен. Однако сосуды именьковской культуры могильника были более мелкие, иногда без шеек, почти чашевидные (рис. 2), а турбаслинские – более крупные, с высокой шейкой и раздутым туловом (рис. 3).

Название турбаслинская культура получила по материалу на сравнительно небольшой территории уфимского течения р. Белой в Башкортостане. Однако в эпоху средневековья в Приуралье находилось множество разнообразных памятников археологии. Суммарное описание их представлено в работе К.В. Сальникова 1964 г. Он выделяет комплексы керамики бахмутинского (с ямочным орнаментом), турбаслинского (указано выше), кушнарниковского и романовского (близкого к именьковскому, указано выше) типов. В то же время многие памятники Башкирии автор считает сармато-аланскими (Сальников, 1964, с. 7–15).

В.Ф. Генинг в работе 1971 г. выделяет на территории Башкирии этого времени десять культурно-этнических групп, в том числе бахмутинской, турбаслинской, романовской, куштерьяковской (кушнарниковской) и др. Он подчёркивает их специфику как в керамике, так и в погребальном обряде (Генинг, 1971, с. 44–54).

Накоплению археологического средневекового богатства на территории Башкирии и соседних областей способствовала бурная полевая деятельность во 2-й пол. XX в. Наиболее объёмные материалы получены при раскопках языческих могильников Н.А. Мажитовым.

Полученные материалы позволили выделить ряд культур и опубликовать по ним монографии. Среди них «Бахмутинская культура» (Мажитов, 1968), «Турбаслинская культура» (Сунгатов, 1998), «Неволинская культура» (Голдина, Водолаго, 1990). В этих и других работах по-разному выделялась этнокультурная основа населения.

Положение изменилось с открытием и изучением комплексов II Коминтерновского некрополя и других памятников в Куйбышевском районе Татарстана в 1984 г. В могильнике вместе находились захоронения с трупосожжением (именьковские) и трупоположением (турбаслинские). Рядом в Коминтерновском II селище зафиксированы комплексы посуды бахмутинского типа с ямочным орнаментом на посуде (Казак, 2021). Также в приустьевом Закамье, в 23 км от вышеописанного, но идентичного ему, выявлен Новославский II

могильник (Валеев, 2018, с. 211–226). Кроме того, памятники с близкими чертами культуры распространены до бассейна р. Оки (Казак, 2016, с. 21–27). Таким образом, отмечалось сходство культур на широкой территории от Приуралья до бассейна р. Оки.

Коминтерновские материалы не только показали это, но и позволили поставить вопрос об их хронологии этнокультурной принадлежности. Предложено, что они оставлены средневековыми азиатскими сарматами, которые из-за событий времени Первого тюркского каганата были вынуждены в сер. VI в. переселиться в районы своих летних кочевий в Приуралье и Среднее Поволжье (Казак, 1998, с. 97–150; Казак, 2011, с. 8–39).

Несмотря на то, что сарматские родоплеменные коллективы чётко сохраняли специфику своей культуры, они имели и общие черты: искусственную деформацию черепов, положение черепа и костей ног коня в могилах, идентичные культовые вещи и др. (Казак, 2021). В Приуралье среди отмеченных культурных групп заметно выделяются неволинские древности. Они расположены севернее других, отличаются большим разнообразием изделий из цветного металла и, самое главное, в них другая керамика. Вся она лепная, круглодонная, низких пропорций с орнаментом в виде резных или гребенчатых оттисков, расположенных в виде горизонтальной ёлочки (Голдина, Водолаго, 1990, с. 152–158; табл. LIII–LXI). Имея определённое сходство с посудой угорского мира, она в то же время, в отличие от рядом локализуемых комплексов уральских угров, очень редко имеет выделенную шейку и верёвочный орнамент.

Рассматриваемая группа средневековых сарматских культур, условно определяемая как турбаслинско-именьковская общность (ТИО), занимающая территорию от Приуралья до бассейна р. Оки, обладала достаточно прочной связью, хотя в этом регионе проживали и народы других языковых групп. Это население в течение ряда поколений с сер. VI в. до послед. четв. VII в. имело не только развитое земледелие и скотоводство, но также ремесло и торговлю. Товарообмен активно шёл по речным путям. Об этом свидетельствуют расположенные в приустьевой части р. Камы крупнейшие торгово-ремесленные поселения именьковской культуры: Щербетьско-Островное, Девичье-Городское, Коминтерновское II.

Можно полагать, что это обширное объединение, связанное территорией, хозяйством,

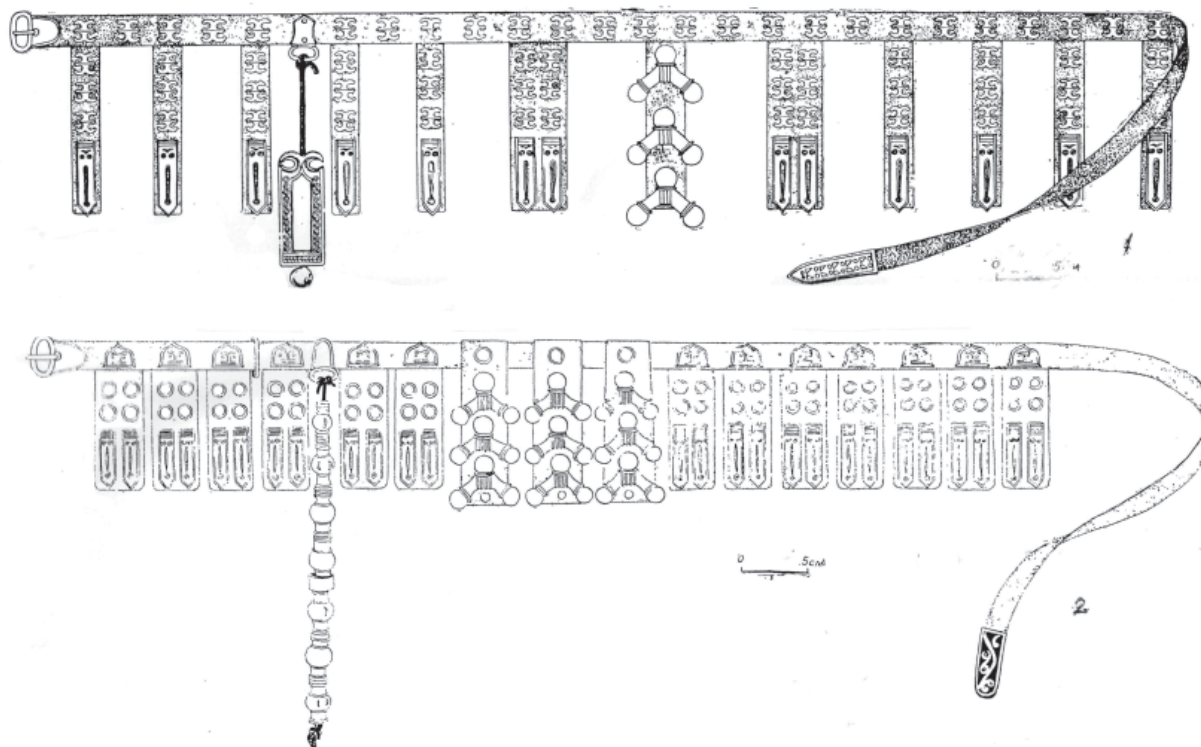

Рис.4. Поясные наборы неволинской культуры. Кожа, изделия из цветного металла.

По Р.Д. Голдиной, Н.В. Водолаго.

Fig.4. The Nevolino culture belt sets. Leather, items made of non-ferrous metal
(according to R.D. Goldina, N.V. Vodolago).

культурой и этносом, в определённое время обладало чертами государственности со своими политическими центрами. Главный из них мог находиться в петле рек Белой и Уфы, где выявлены на территории г. Уфы три городища (в том числе городище Уфа II) и склепы сарматских вождей с богатыми наборами золотых и серебряных изделий.

До настоящего времени уникальные комплексы ТИО слабо изучены. Это благодатная тема для будущих исследователей.

Рассмотрим только некоторые проблемы торговли её населения в Восточной Европе, опираясь на нахождение в том или ином отдалённом регионе изделий, характерных только для неволинской культуры, которые, несомненно, появились только в результате товарообмена.

Имеются материалы о торговле вверх по р. Волге, о чём свидетельствуют находки специфичных неволинских поясов. Они являются уникальными по богатству и композиции деталей (рис. 4). Как показывают бронзовые накладки на них, в данной культуре изделия появились в нач. VII в., когда под действием бурных событий в период формирования Второго тюркского каганата в Восточную Европу пришло время классической гераль-

дики, железных стремян, ранних сабель и т. д. Скорее всего, эти комплексы пришли с новыми мигрантами. А.Г. Иванов указывает концентрацию таких поясов в районах Томской лесостепи (Иванов, 2001, с. 100–101, рис. 3). Сюда могли отступить остатки азиатских сармат, где они контактировали с угорским и самодийским населением.

Классические неволинские пояса и их элементы выявлены в древностях по р. Оке. Они отмечены в погребениях 176, 330, 333 (рис. 5) Чулковского могильника муромы (Гришаков, Зеленева, 1990). Аналогичные предметы встречены в погребении 38 II Старобадиковского могильника (рис. 6: 8, 9) мордвы-мокши (Петербургский, 2011).

Представленные материалы свидетельствуют, что представители неволинской культуры активно использовали окско-донской торговый путь. В Подонье, где среди других народов проживали и средневековые сарматы, попадались и другие предметы с Верхней Камы, в том числе коньковые щитки нагрудных бронзовых подвесок, датирующихся VII в.

В целом указанный торговый путь был хорошо знаком урало-поволжским сарматам. Их памятники турбаслинского и имениковско-

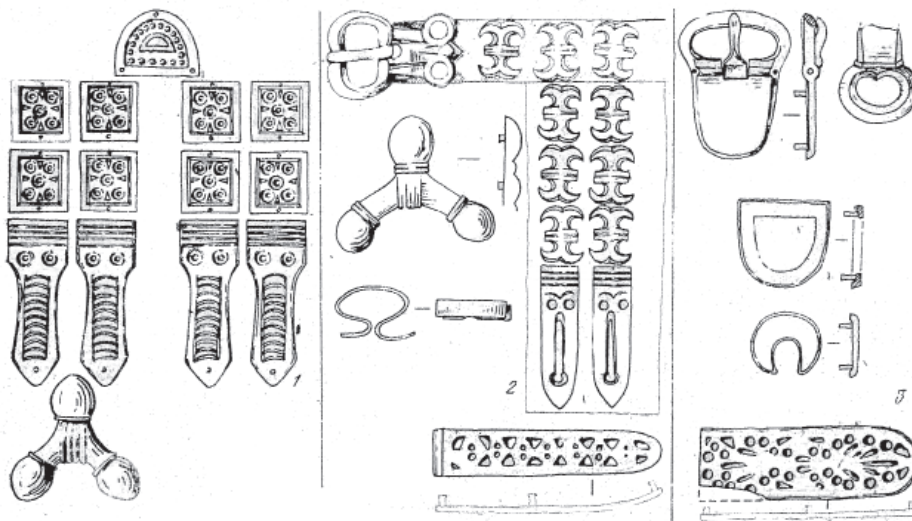

Рис. 5. Детали неволинских поясов из Чулковского могильника:
1 – погр. 330; 2 – погр. 333; 3 – погр. 176. Цветной металл (по В.В. Гришакову, Ю.А. Зеленеу).

Fig. 5. Pieces of the Nevolino belts from the Chulkovo burial ground:
1 – burial 330; 2 – burial 333; 3 – burial 176. Non-ferrous metal (according to V.V. Grishakov, Yu.A. Zeleneyev).

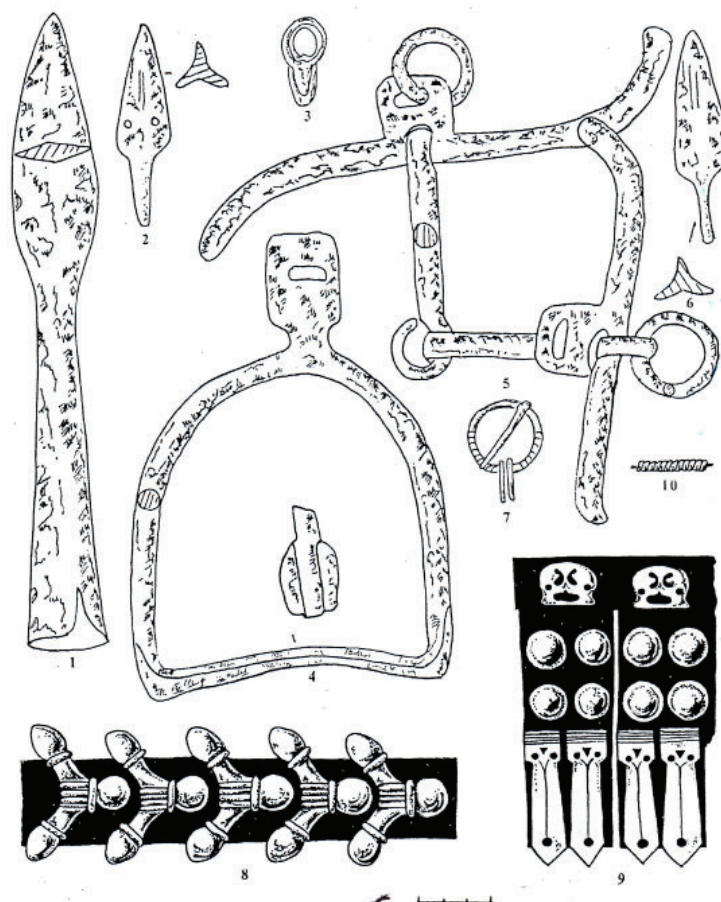

Рис. 6. Комплекс погр. 38 Второго Старобадиковского могильника:
1-5 – железо; 7, 10 – бронза; 8, 9 – кожа и бронза (по И.М. Петербургскому).

Fig. 6. Burial complex 38 of the II Staroye Badikovo burial ground:
1-5 – iron; 7, 10 – bronze; 8, 9 – leather and bronze (according to I.M. Peterburgsky).

Рис. 7. Локализация находок поясов неволинской культуры и их деталей (по Е. Goldina)
Fig. 7. Location of finds of the Nevolino culture belts and their pieces (according to E. Goldina)

го круга фиксируются в мордовских землях (Казаков, 2016, с. 21–27).

Сарматы активно использовали и более дальний путь на Верхнюю Волгу. Истоки этой реки начинаются с Валдайской возвышенности. На ней же начинают своё течение реки Северная Двина – Даугава, впадающая в Рижский залив Балтийского моря, и Днепр, впадающий в Чёрное море. Судя по археологическим находкам, неволинские торговцы активно использовали северный торговый путь, ведущий через реки и озёра к Финскому заливу Балтийского моря. Они неоднократно вступали в товарообмен с населением Скандинавии. Об этом свидетельствуют нередкие находки в захоронениях юго-западной Финляндии специфических неволинских поясов и их деталей (Майнандер, 1979, с. 35–40). Возможно, с их влиянием связано появление в этих районах щитков шумящих коньковых нагрудных подвесок и других изделий из бронзы (Майнандер, 1979, с. 39), массы стеклянных бус, имеющих полные аналогии в древностях неволинской культуры. А.Г. Иванов (Иванов, 2001, с. 101, рис. 3) и Е.В. Голдина (Goldina, 2003, с. 69, fig. 6) представили широкое распространение неволинских поясов и их деталей в археологических памятниках (рис. 7).

Представленные материалы позволяют полагать, что легендарные биармы, известные по исландским сагам более позднего времени, являлись средневековыми сарматами. Со 2-й

пол. VI в. они образовали своё объединение – ТИО, с определёнными элементами государственности. Имея достаточно высокую культуру на широкой территории в Приуралье и Поволжье, сарматы установили торговые связи по многим направлениям.

Нами рассмотрено только одно из них – верхневолжское. Перспективными для его продолжения для торговых нужд было движение по р. Западная Двина. По сообщению Саксона Грамматика (жил ок. 1140 – ок. 1216 г.) в книге «Деяния данов», впервые вышедшей в Праге в 1514 г., отряд датчан потерпел поражение от биармийцев и отступил, найдя приют у куретов (куршей) и сембов (прусов) в регионе Рижского залива. Именно сюда могли прибывать датские и норвежские викинги между торговыми городами европейского южного побережья Балтийского моря, поскольку в Финском заливе хозяевами были шведы.

В 1217 г., видимо, в рассматриваемом регионе местные жители уничтожили экипаж одного из двух кораблей, который через Русь пытался попасть на Святую землю, чтобы участвовать в крестовом походе. В ответ король Хакон IV в 1222 г. прислал целую эскадру с сильным войском, которое огнём и мечом прошло Биармию, после чего это название перестало упоминаться в сагах (по А. Стрингольму). Кроме вышеуказанного, у некоторых племён в Рижском регионе в погребальном обряде применялось положение в

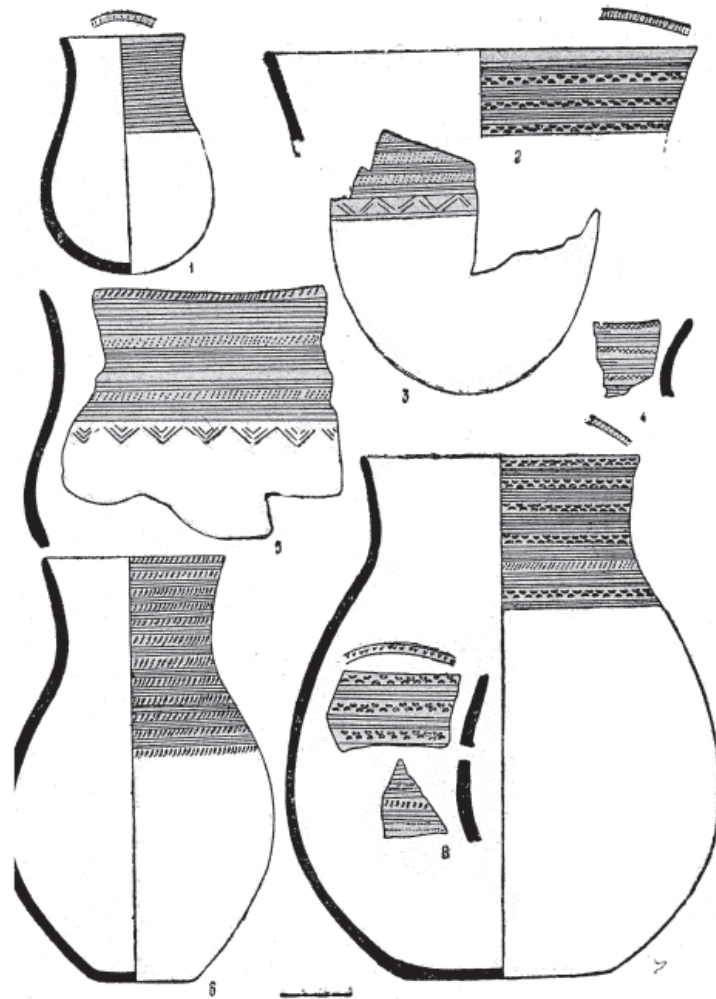

Рис. 8. Керамика кушнаренковской культуры Такталачукского могильника.
Fig. 8. Ceramics of the Kushnarenkovo culture of the Taktalachuk burial ground.

определённом порядке костей черепа и ног лошади, что характерно для сармат.

Последние не могли не использовать для торговли такой удобный путь, как р. Днепр. Таким образом, на Валдае существовал своеобразный крест из пересечения торговых путей с востока на запад: р. Верхняя Волга – р. Северная Двина, и в меридиональном направлении: Финский залив – побережье Чёрного моря. Последний путь позднее называли как «путь из варяг в греки».

В последней трети VII в. произошли события, которые нанесли сильный удар по сарматскому населению Урало-Волжского региона. В результате постоянно меняющейся в степях военно-политической обстановки в евразийских степях обострилась вражда между угорскими племенами и сарматами, которая, видимо, началась в 557 г., когда тюркюты вместе с уграми разгромили в Приаралье объединения племён хуни, огоров и авар.

По ТИО был нанесён быстрый и беспощадный удар уграми маняжского этапа кушнарен-

ковской культуры (близкие к мадьярам), представленными своеобразной по технологии, форме и орнаменту керамикой (рис. 8). Были уничтожены торгово-ремесленные поселения. В одних хозяйственных ямах селища Девичий городок сожжены большие запасы зерна, другие забиты костями человека.

На Щербетьском-Островном селище обнаружена целая поляна с костями человека. В то же время враги не сумели найти склады железных топоров (26 экз.), ремесленных стержней из цветного металла (67 экз.). Турбаслинско-именьковские памятники исчезли. Вместо них на территории Татарстана и Башкортостана появляются некрополи кочевых угров с кушнаренковской керамикой.

Пришельцы даже переправились через р. Волгу и захватили II Тетюшское городище на левом берегу реки. Здесь отмечены находки типично кушнаренковской посуды VII в. (Руденко, 2010, с. 94, илл. 122).

Для прекращения дальнейшего продвижения угров на запад сарматы приняли

чрезвычайные меры. За короткое время в овражистой, залесенной местности на левобережье р. Волги было сооружено вышеописанное огромное городище, фактически недоступное для конного войска кочевников (рис. 1: 2).

Видимо, это сооружение, а также р. Волга стали препятствием для дальнейшего продвижения пришельцев на запад. Однако, среди

предков волжских финнов и чуваш продолжали проживать группы средневековых сармат, которые в других районах были известны под именем асов (Афанасьев, 2009, с. 7–18). В Волго-Окском регионе они назывались буртасы, эрзясы (откуда название г. Арзамас) и др. Сам этноним «биармы» упоминается только при одном из киевских князей и при нашествии монголов.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Асылгараева Г.Ш., Оруджов Э.И., Старков А.С. Археозоологический комплекс Макарьевского городища // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 178–189.

Афанасьев Г.Е. К проблеме локализации «Хазарии» «Фурт-ассии» (о противоречиях данных археологии и письменных источников) // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2009. С. 7–18.

Валиев Р.Р. Памятник «коминтерновского типа» имениковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 211–226.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1959. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.) // АЭБ. Т. IV. / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1971. С. 44–54.

Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1990. 77 с.

Голдина Р.Д., Водолого Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. 176 с.

Иванов А.Г. Накладки-тройчатки: к вопросу о происхождении поясов неволинского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей, 2001. С. 87–102.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: б.и., 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Кушнарниковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 115–135.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13. С. 8–39.

Казаков Е.П. Хронологические этапы взаимодействия сармат с поволжскими финнами в средние века // Средневековая археология Волго-Уралья. Сб. науч. трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина Ф.Ш.Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань: ИА АН РТ, 2016. С. 21–27.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2020. 144 с.

Казаков Е.П., Лыганов А.В. Итоги изучения Измерского XVII могильника // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 43–57

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

Лыганов, А.В., Вязов Л.А., Пономаренко Е.В., Истомин К.Э., Халимуллина Л.Р. Бикляньское селище начала эпохи Великого переселения народов в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 231–247. DOI 10.24852/ра2021.3.37.231.247.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 161 с.

Майнандер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наук, 1979. С. 35 – 40.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: СГУ, 2003. 160 с.

Петербургский И.М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 420 с.

Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань: Заман, 2010. 152 с.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // АЭБ. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 7 – 15.

Шаймуратова, Д.Н. Особенности изучения субфоссильных остатков рыб и птиц из археологических памятников среднего Поволжья и их экологическая интерпретация // Российский журнал прикладной экологии. 2016. № 1(5). С. 8–13.

Goldina E. Scandinavia and the Kama region: contacts in the second half of the I millennium A.D. // Art and archaeological investigation of the Woodland of East Europe / Proceedings and Research of the Kama-Yyatka Archaeological Expedition. Vol. 8 / text transl. Y. V. Romanova, V. V. Napolskikh Izhevsk: Udmurt State University, 2003. P. 61–70.

Информация об авторе:

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия)

REFERENCES

Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Volga River Area)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Asylgaraeva, G. Sh., Orudzhov, E. I., Starkov, A. S. 2022. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 178–189 (in Russian).

Afanas'ev, G. E. 2009. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Forum)*. Kazan, 7–18 (in Russian).

Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 211–226 (in Russian).

Gening, V. F. 1959. In *Trudy KFAN SSSR. Ser. gumanitarnye nauki (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Humanities Series)* 2. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 157–219 (in Russian).

Gening, V. F. 1971. In Bromlei, Yu. V., Kuzeev, R. G. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* IV. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 44–54 (in Russian).

Grishakov, V. V., Zeleneev, Yu. A. 1990. *Muroma VII–XI vv. (Muroma People in 7th – 11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Goldina R.D., Vodolago N.V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e (Burial Grounds of the Nevolino Culture in the Cis-Urals)*. Irkutsk: Irkutsk University Publ. (in Russian)

Ivanov, A. G. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (iz istorii kostiama) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 87–102 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1981 In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 115–135 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2011. *Finno-Ugrica* (12–13), 8–39 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiya Volgo-Ural'ya (Medieval Archaeology of the Volga-Urals)*. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 21–27 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2020. *Volgo-Kam'e v epokhu tyurkskikh kaganatov. Kniga pervaya. Kominternovskiy II mogil'nik (Volga-Kama region during the First Turkic Khaganate period. Book one. Komintern burial ground)*. Kazan: "Fen" Publ. (n Russian).

Kazakov, E. P., Lyganov, A. V. 2014. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 10 (4), 43–57 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).

Lyganov, A. V., Vyazov, L. A., Ponomarenko, E. V., Istomin, K. E., Khalimullina, L. R. 2021. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 37 (3), 231–247. DOI 10.24852/pa2021.3.37.231.247 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletii nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mainander, K. F. 1979. In Rybakov, B. A. (ed.). *Finno-ugry i slavyane (Finno-Ugric and Slavic peoples)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 35–40 (I Russian).

Matveeva, G. I. 2003. *Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaia kul'tura (Middle Volga Region in the 4th – 7th cc.: the Imenkovo Culture)*. Samara: Samara State University (in Russian)..

Peterburgskii, I. M. 2011. *Material'naiia i dukhovnaia kul'tura mordvy v VII–X vv. (Material and Spiritual Culture of the Mordva People in 7th–10th Centuries)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2010. *Tetiushskoe II gorodishche v Tatarstane (Tetyushi II hillfort in Tatarstan)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1964. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 7–15 (in Russian).

Shaymuratova, D. N. 2016. In *Rossiyskiy zhurnal prikladnoy ekologii (Russian Journal of Applied Ecology)* 5 (1), 8–13 (in Russian).

Goldina, E. 2003 In Romanova, Y. V., Napolskikh, V. V. (transl.) *Art and archaeological investigation of the Woodland of East Europe*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition. 8. Izhevsk: Udmurt State University, 61–70 (in Russian).

About the Authors:

Kazakov Evgeniy P. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh.Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.